

В. П. Козырьков, Т. В. Свадьбина, О. А. Немова

АТРИБУТИВНЫЕ КАЧЕСТВА ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИИ ТЕХНОСФЕРЫ

В статье представлен обзор различных точек зрения относительно природы человека. Дан ретроспективный анализ противоречивой роли техники в жизни человека. С позиций антропологической философии совершена попытка осмысления дискуссионной проблемы нарастания технизации общества и в связи с этим угрозы исчезновения человека как биологического вида. Оспариваются полярные идеи как сторонников, так и противников трансгуманизма. Предлагается возвращение к протагоровской идее «Человек есть мера всех вещей» и применение ее к условиям XXI в. Фетишизация техники — это тупиковая ветвь философского осмысления происходящих в современном мире процессов. Человек является создателем и потребителем техники и технических новшеств соответственно, от его воли и разума будет зависеть будущее всего человечества. Любая техника возникает как носитель целостной духовности в различных формах и с различным характером в зависимости от того, в какой социальной системе осуществлялась ее социализация, формировался ее культурный облик. Техника всегда приобретает такое социокультурное обрамление, какое имеется в данном обществе. Авторы приходят к выводу, что бессмысленно следовать поддержке и развитию алармистско-демонического образа техники, важно изучать социокультурные изменения сознания самого человека и процессы дегуманизации массового сознания. Библиогр. 15 назв.

Ключевые слова: антропология, техносфера, постчеловек, процесс дегуманизации массового сознания.

V. P. Kozyrkov, T. V. Svadbina, O. A. Nemova

ATTRIBUTIVE QUALITIES OF PERSONHOOD IN THE REVOLUTION OF TECHNOSPHERE

The article presents an overview of the different points of view on human nature, and gives a retrospective analysis of the contradictory role of technology in human life. From the standpoint of anthropological philosophy it is attempted to understand the discussion of the problem of increasing technicalization of society and, therefore, the threat of extinction of the human species. Opposing ideas are challenged, those of both the supporters and opponents of transhumanism. A return to Protagoras' idea «Man is the measure of all things» and its application to the conditions of the XXI century are discussed. The fetish of technique is a dead-end branch of the philosophical understanding of the ongoing processes. Man is a creator and consumer of technology and technological innovations, so the future of all mankind will depend on his will and reason. Any technology occurs as a vessel of holistic spirituality in different forms and with different character depending on the social system involved in its socialization and the forming of its cultural identity. Technology always accepts a sociocultural

Козырьков Владимир Павлович — доктор социологических наук, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Российская Федерация, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23; kozir3@yandex.ru

Свадьбина Татьяна Владимировна — доктор философских наук, профессор, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, Российская Федерация, 603950, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1; tsvadbina@mail.ru

Немова Ольга Алексеевна — кандидат социологических наук, доцент, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, Российская Федерация, 603950, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1; nhl_@list.ru

Kozyrkov Vladimir P. — PhD, Professor, Nizhny Novgorod State University, 23, pr. Gagarina, Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation; kozir3@yandex.ru

Svadbina Tatiana V. — PhD, Professor, Nizhny Novgorod State Pedagogical University, 1, ul. Ulyanova, 603950, Nizhny Novgorod, Russian Federation; tsvadbina@mail.ru

Nemova Olga A. — PhD, Associate Professor, Nizhny Novgorod State Pedagogical University, 1, ul. Ulyanova, 603950, Nizhny Novgorod, Russian Federation; nhl_@list.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

framing present in the society. The authors come to the conclusion that it is pointless to follow the maintenance and development of the demonizing alarmist image of technology, it is important to examine the socio-cultural changes of consciousness and the processes of dehumanization of mass consciousnesses. Refs 15.

Keywords: anthropology, technosphere, the Posthuman, the dehumanization of mass consciousnesses.

Почему с конца XX в. философы забили тревогу по поводу природы человека, изменение которой якобы приводит к «антропологической катастрофе», «цивилизации каннибалов» и «постчеловеческой эпохе»? Ведь если судить строго, то за XX в. столько всего было трагического, что трудно кого-либо испугать или «шокировать» чем-то более ужасным. Мы еще даже не отошли от этого века и не можем с ним мысленно проститься. Новый век еще не наступил, хотя уже многие события и явления были громко и в спешном порядке провозглашены его символами.

В начале XX в. был шок от Первой мировой войны, и многие философы пришли к выводу, что начался закат Европы, и Кант как выражение культа критического разума был объявлен чуть ли не причиной этой мировой катастрофы, унесшей миллионы человеческих жизней. Потрясение было страшное, и редко кто из философов, кто «жил и мыслил», не приходил к выводу, что что-то неладное творится с человеком. Из философов прошлого пророками были объявлены все, кто так или иначе выразил сомнение в «добротности» человеческой природы, начиная от Экклезиаста и заканчивая А. Шопенгауэром, Л. Захер-Мазохом, Ф. Достоевским, К. Леонтьевым и, конечно же, Ф. Ницше. На этой волне тотального пессимизма и антропологического уныния никого нельзя было уже удивить возникновением фашизма, который претендовал на расширение жизненного пространства, обновление европейской крови и полное изменение человеческой природы. И, как показывает история, людей, которых эти идеи воодушевляли, оказалось немало.

Необходимость как-то реагировать на социальные потрясения стимулировала бурное развитие антропологии, которой предстояло разобраться в том, что представляет собою человек и доказать либо то, что человек — изначально безответственная и потому вымирающая ветвь гоминидов, поэтому надо готовиться к еще худшим временам, либо то, что эта ветвь еще только формируется, поэтому от нее просто рано ждать ответственного поведения. С трудом, но антропология, развиваясь в своих различных отраслях (физическая, политическая, психологическая, социальная и др.), показала, что род человеческий един, что человек есть единственное явление и его сущность не дифференцируется по полу, расам и потенциалам развития. Более того, антропология показала, что человек развивается через свои психофизиологические, психические, половые, расовые и прочие различия, которые говорят скорее о богатстве и неисчерпанном потенциале человеческой природы, нежели о ее вырождении. Таким образом, антропология во всем ее многообразии выступила формой антроподицеи и гуманизма, бросив человеку спасательный круг в затягивающий его исторический круговорот уныния по поводу своего прошлого и будущего.

Но, возможно, стоит не искать причины социальной катастрофы нового века в природе человека, а попытаться понять, каким образом вышло так, что человек не прошел «проверку временем». Может быть, дело совсем не в человеке,

а в человечестве в целом, и люди, расселившись по всей планете и освоив гигантские территории, не способны жить вместе, сообщая, если среди них нет слоя господ, который управляет всеми остальными? И правы были древние мудрецы в том, что всегда есть лучшие и худшие? Именно в этих условиях как полуофициальные и полутеневые ответвления антропологии получили распространение теория элит, расовая теория, евгеника, психоанализ, генетика и прочие науки, околонануки, антинауки о человеческой породе и совсем шарлатанские снадобья для ее улучшения. Правда, возникли и красивые мифы о спасителях человечества. Чего только стоят мифы об НЛО, в которых скрыта мечта о существах лучшей, но инопланетной породы.

На этой волне всеобщей заботы о совершенствовании человеческой природы, к которой необходимо причислить и отечественную заботу о «рождении нового человека», разразилась Вторая мировая война, еще более масштабная и страшная по своему характеру и последствиям. В этой войне все теоретические наработки «человекоулучшителей» не только получили воплощение, но были даже преумножены, хотя довольно странным образом. Видимо, история просто не по-доброму посмеялась над интеллектуальными усилиями человечества. Она сделала так, что одна часть человечества, считавшая себя лучшей, стала уничтожать другую его часть, квалифицированную в качестве «недочеловеков». Нужно сказать, что в истории всегда были войны, направленные на истребление врагов, так как в этом состоит суть войны. Но ничего подобного происходившему в годы Второй мировой войны в истории еще не было: с целью совершенствования человеческого рода люди уничтожались по науке и с применением наукоемких технологий. Вершиной такого небывалого и абсурдного с точки зрения гуманизма действия стали взрывы атомных бомб, которые показали, что научно-технический прогресс в военной области довел человечество до постановки вопроса о самом его выживании: или оно должно радикально преобразоваться, или погибнуть. Неуправляемое, слепое следование требованиям научно-технического прогресса чревато всеобщей катастрофой. Если не в результате тотальной войны, то в ходе общемировой экологической катастрофы.

Каковы выводы из всей этой истории об улучшении человеческой природы? Во-первых, наука и техника как цвет развития человеческого разума сами по себе человечеству блага не приносят. Во-вторых, жалобы на испорченность природы человека возникают тогда, когда сложившийся тип общества исчерпал себя и находится в предельном кризисном состоянии. Других выводов «век-людоед» дать не может, как бы мы ни пыжились, заходя на крутые виражи в своих мультипарадигмальных подходах и закрывая глаза на ужасы века минувшего. Так что же такого нового произошло, что заставило философов составить новую «таблицу ценностей» (М. Шелер)?

В эпоху Средневековья сомнений в том, что природа человека противоречива, уже не оставалось. Осмысление этой противоречивости доходило до такого накала, что образы ангела и дьявола, выражающие светлую и темную стороны человека, до сих пор привлекают неподдельное внимание и вызывают душевный трепет. Но историческая антропология (исследования французских историков М. Блока, Ж. Ле Гоффа, Ф. Арьеса, Ф. Броделя и др., а также отечественных исследователей М. М. Бахтина, А. Я. Гуревича, Ю. Л. Бессмертного, Н. Л. Пушкиревой и др.) показала, что противоречивость природы человека эпохи Средневековья была лишь

выражением противоречивости общества и культуры этой эпохи. В частности, исследования М. М. Бахтина раскрывают противоречивость официальной и народной культур Средневековья. В этой культуре «жизнь показана в ее амбивалентном, внутренне противоречивом процессе» [1, с. 32]. Идея об амбивалентности, двойственности структуры человека Средневековья получила многостороннюю аргументацию, но для нас важно отметить одно: надежда на помощь в разрешении этой противоречивости нигде не возлагается на технику, но только на Бога и чудо.

Эпоха Возрождения попыталась примирить тело и душу, земное и небесное, плотское и духовное. В какой-то мере это удалось сделать путем возвеличивания земного до божественного. Данте говорил о людях: «Только черви мы, / В которых зреет мотылек нетленный, / На божий суд взлетающий из тьмы». Если Фичино уверял, что человек «есть как бы некий бог» [цит. по: 2, с. 89], то Леонардо да Винчи считал, что все люди разные, а есть такие, которые являются лишь «поставщиками нужников» [3, с. 45]. Хотя именно Леонардо можно назвать человеком, который олицетворял собой инженера, творца техники, который при виде пропасти думает о мосте, а не о гибели [4, с. 69]. Бахтин отмечает, что в произведениях Ф. Рабле мы видим прославление Гастера, «изобретателя и создателя всей технической человеческой культуры» [1, с. 296]. Б. Паскаль, автор известного образа, что человек есть «лишь тростник, слабейшее из творений природы, но он — тростник мыслящий», подчеркивает, что «всего поразительнее в человеческой природе — это противоположности, обнаруживающиеся в ней в отношении всего» [5, с. 112]. Поэтому самое яркое и полное определение человека, которое он дает, есть его определение через указание на противоречивость: «Что же человек за химера? Какое невиданное хаотическое существо, какой предмет противоречий, какое чудо? Судья всех вещей, бессмысленный червь земной, хранитель правды, смесь неуверенности и заблуждения, слава и отброс Вселенной» [5, с. 115]. В этом определении Паскаль собрал все образы, которые были созданы до него.

В эпоху Нового времени возникают циклопические философские системы, которые находят место человека в мире с помощью разума. Разум становится главным критерием в определении истинности и ценности антропологических представлений наследия прошлых эпох. В произведениях Ф. Бэкона, Р. Декарта, Б. Спинозы, Д. Дидро, П. Гольбаха, И. Гердера, И. Канта, Г. Гегеля, Л. Фейербаха, К. Маркса и других философов образ человека воссоздан в своих самых утонченных, сомнительных и героических проявлениях. Но разум, названный источником просвещения и сил человека в покорении природы и стихийных сил общества, не оправдал надежд в ходе революционных процессов XVIII–XIX веков, которые разворачивались на основе идей эпохи Просвещения. Многие мыслители стали приходить к выводу, что дело тут не в немощи разума и не в природе человека в целом. На интеллектуальную авансцену вышли разнообразные социальные учения, обещающие стать основой переустройства общества на новых, гуманистических началах, в результате чего человек получит условия для адекватного, не уродливого формирования и проявления своих свойств и качеств. Были определены главные факторы истории, среди которых определяющими являются материальные условия жизни людей, общественный способ производства средств к жизни и самой жизни. В этом учении, выразителем которого стали Ж.-А. Кондорсе, К. Сен-Симон, К. Маркс, решающая роль в развитии общества отводилась орудиям труда, машинам, технике.

Но в их произведениях, особенно в работах Маркса, орудия труда и техника сами по себе не возникают, а создаются людьми. Оказывая революционное влияние на формирование типа общества и на ход истории, наука и техника не имеют автоматического характера воздействия в этом процессе. Люди сами творят историю и в технической области своей жизнедеятельности сохраняют и воспроизводят свою социокультурную природу. Установив эти, казалось бы, ясные и убедительные принципы в оценке роли научных открытий и технических изобретений, человечество подошло к XX в. в уверенности, что на основе полученных научных данных можно переустроить и оборудовать мир так, что каждый человек в нем не будет чувствовать себя чужим.

Однако в XX в. все существенно изменилось. До общественного сознания стали доноситься уже не спокойные и красивые изречения европейских мудрецов, но пророчества, похожие на приговоры, которые заставляют общество не задумываться о судьбе человека, а погружают его в межеумочное состояние. Вопрос о природе человека из предмета философского размышления превратился в запугивающий и мистифицированный стереотип массового сознания, в вопрос-клише, который задают профессиональным философам интеллектуально настроенные журналисты: что происходит в современной культуре с природой человека?

Один из распространенных ответов на этот вопрос — произошло неуправляемое, безудержное развитие техники и технологий, складывающееся в особую сферу общества, техносферу, которая приводит к тому, что человек становится ничтожно малой величиной, лишней для общества, а техника — враждебной человеку. Во-первых, создана военная техника, способная уничтожить все человечество. Во-вторых, техника вытесняет человека, а сам человек становится биомашинной, роботом, киборгом. Правда, старшее поколение сразу вспоминает фантастическую литературу и дискуссии 60-х годов XX в., когда, полные сциентистского оптимизма, они спорили о том, возможен ли искусственный интеллект, есть ли внеземные цивилизации и когда будут массовыми полеты в космос. Никакого страха перед техническим будущим не было. Их только смущало, как ЭВМ в виде огромного шкафа можно будет уменьшить до размеров, равных параметрам молекул. Но в фантастических книгах и фильмах роботы были милыми и беспомощными парнями, которых человек должен был многому научить, так как природа человека не техническая и даже не биологическая, а социокультурная. Это только в 1980–1990-е годы появились другие образы роботов, программируемых и обучаемых их производителями. По большей части роботы стали сверхсильными, пугающими, агрессивными и безжалостными. Но были и альтернативные роботы, которые из-за сбоя программ оказывались добрыми, жалостливыми и все же никак не могли понять, почему люди плачут.

Таким образом, самым растражированным, наглядным и доходчивым выражением оценки нового толкования процесса развития техники стало массовое искусство, которое оказалось переполненным картинками, описывающими войну человека с киборгами или другими человекообразными, мутировавшими так, что в них ничего не остается «человеческого, слишком человеческого». В этой духовной атмосфере, которая сейчас пронизывает все поры массовых коммуникаций, легко поверить в самую невероятную модель современного человека и в самый невероятный исход процесса его развития. И нужно сказать, что философия не удержалась

от соблазна поддержать этот алармистско-демонический образ развития современной техники.

Этого трудно не сделать, так как устрашающие картины и алармистские исходы дополняются сенсационными изобретениями и открытиями в области геной инженерии и компьютерных технологий, позволяющими вмешиваться в биологическую природу человека и вносить в нее необходимые коррективы [6].

В дополнение ко всему высокие технологии настолько глубоко входят и в повседневную жизнь человека, что он уже не может представить себе жизни без мобильного, ПК и прочих гаджетов. Они, как из рога изобилия, выбрасываются современной электронной промышленностью, которая, похоже, с какой-то обреченной страстью «задалась» целью сполна удовлетворить человека своей продукцией, призванной создать виртуальные образы явлений и процессов, включая такие, которые реально человеку недоступны. В результате виртуальный мир становится более ярким, многообразным и привлекательным, чем мир реальный. Похоже, эта техника нового поколения и наделала больше всего шума, смутив философские умы настолько, что они забыли о том, что существуют самые разные виды техники и что техника всегда существует в определенных общественных отношениях и выполняет разные функции, содержание и характер которых зависят от типа общества, способа организации и типа личности. Видимо, дело в том, что техника проникла в святая святых философов — в духовный мир, в котором философы, особенно немецкие, всегда считали себя единственными экспертами. Отсюда болезненная реакция на новый тренд: технику, покушающуюся на способность создавать идеальные миры, которые до сих пор конструировались только религиозными, художественными, научными и философскими средствами.

Все эти процессы в конечном счете породили идею, что человек, атрибуты которого были сформированы в течение многих тысячелетий, отжил свой век. Что дегуманизация искусства, науки, техники и культуры в целом не позволяет ему воспроизводиться в совокупности его основных свойств, которые воспроизводились в течение тысячелетий. Перспектива появления разновидностей постчеловека (киборгов, мутантов, клонов), фантазии в области «генетического дизайнерства» свидетельствуют о создании таких существ, которых трудно будет назвать человеком, а в итоге, считает С. С. Хоружий, придется констатировать «эвтаназию» человека [7, с. 27]. Отмечается, что в связи с явным онтологическим «размыканием» человека и превращением техносферы в «инобытие» возникает острая необходимость в переосмыслении сущности происходящих перемен, и прежде всего — на уровне философской и социальной антропологии, которая в соответствующих категориях понятий и суждениях описала бы происходящие процессы. Помогла бы наконец ответить на следующие вопросы: «Что происходит с сознанием и целостной человеческой личностью? Что происходит со сферой эмоций, эстетическими восприятиями? Со сферой общения, социальными измерениями существования? Ответом на эти вопросы решается, находимся ли мы еще “на территории человека”, а антропологический критерий еще позволяет ли разделить ареалы человека и постчеловека» [8, с. 26–28].

Не замедлила появиться и критика такого толкования. Так, по мнению В. А. Кутырева, «глобальный технолизм ведет к превращению человека из социально-культурной личности в человеческий фактор Техноса» [8]. В результате «кто еще

говорит о человеке, его высшей ценности, тот едет в карете прошлого. Он консерватор и фундаменталист», «а пока давайте скажем: покойся с миром, человек». В условиях техносферы он просто перестает существовать, превращается в НИКТО, а его интересующий мир, стало быть, — в НИЧТО [9, с. 331]. Поэтому необходима «реконструкция человека» [10]. Однако усилия ряда философов направляются в другую сторону — на реконструкцию человека на основе осмысления техники, так как она — «самая оптимальная и необходимая площадка для понимания постчеловеческих перспектив и целей» [11, с. 187]. Какие же перспективы видятся с этой площадки? Нас уверяют, что перспективы — фантастические. Например, сторонники идеи возникновения «технолюдей» с большим воодушевлением говорят о тенденции «продолжения биологической эволюции человека, связывая новые перспективы с конвергентным развитием нано-, био-, инфо- и когнитивных наук и технологий», поддерживают идею «антропологического воображения» (вспоминаются родственные термины «социологическое воображение», «воображаемые сообщества») и уверяют нас, что «все это способно привести к таким изменениям в жизни человека и в самом человеке, которые сегодня представляются просто фантастическими» [12, с. 13]. Но в чем же конкретно состоит эта фантастичность? Будет ликвидирована преступность? Исчезнут войны? Будут забыты алкоголизм и наркомания? Человечество избавится от неизлечимых болезней? Люди перестанут умирать от голода? Последователи теории техногенной цивилизации и техночеловека с такими «мелочами» не связывают развитие науки и техники, утверждая, что в скором будущем с помощью Интернета возможен мониторинг показателей здоровья хронических больных и пожилых людей, технологии позволят усовершенствовать систему скорой медицинской помощи, наладить систему удаленной консультации специалистов, улучшить качество жизни людей с ограниченными возможностями, повысить эффективность фармакотерапии, вводя в практику «умные таблетки», имеющие датчики. Но самое главное — то, что растет «тотальность межсвязности, панкоммуникации, техносциокультурного размывания границ между цифровым и материальным бытием, когда артефакты обретают память, среда учится чувствовать, а материя становится разумной и программируемой, осознается как становление новой корпоральности, делокализации сложной фрактальной границы субъекта, как в пространстве, так и во времени. Эта делокализация, понимаемая как динамический интерфейс, обеспечивает конвергенцию технонанобытия с гиперпространством человеческой культуры, трансценденцию, метасистемный переход субъектов на качественно новый уровень развития» [12, с. 15]. Пусть читатель сам судит о степени фантастичности этого прогноза, но нам просто хочется спросить: а какое место в этом «динамическом интерфейсе» займет государство с его мощными организациями, армией, полицией? Нужно так понимать, что авторы заглядывают слишком в «далекое далеко», что все эти социальные институты благополучно исчезнут благодаря Интернету.

Отсюда понятно стремление отечественных философов защитить идентичность человека — его тела и духа, отстоять извечный предмет философствования. Одни авторы высказывают мысль, что такое философствование «близко целям великих религий, призывающих не к физической трансформации людей, а к их духовно-нравственному возвышению» [9, с. 484]. Другие не менее воодушевленно заявляют, что «философия незаменима в процессах гуманизации и в повышении

культуры технического мышления, в развитии и укреплении технологического гуманизма» [13, с. 233].

Между тем именно современное состояние духовно-нравственной сферы, особенно в молодежной среде, вызывает серьезные опасения за возможность такого возвышения. В результате возникает замкнутый круг, в который попадает современная философия, не находя из него выхода. Он и не может быть найден при демонизации техники и заниженной, алармистской оценке состояния современного человека, его социальных институтов и культуры. Забегая вперед, скажем, что при всей ее банальности мысль о том, что история есть деятельность преследующего свои цели человека, не устарела. И если человек создал такую технику, которая стала ему враждебной, то только он сам и может исправить эту ситуацию. Когда одни люди создают деструктивную технику, другие люди должны ее обезоружить и заставить функционировать в мирном, гуманистическом русле.

Однако такой простой взгляд на суть вопроса, когда техника рассматривается в противоречивом единстве с человеком, и гуманистический способ его решения натываются на сопротивление со стороны тех, кто лоббирует развитие высоких технологий, дающих высокую прибыль. К тому же гуманистическое решение не столь эпатажно и привлекательно для массового сознания, как алармистское, скрывающее гуманистическое существо техники за пеленой запугивающей атмосферы, создаваемой продукцией СМИ и массовой культурой в целом, в которой происходят демонизация техники и отрыв ее от социальной сущности человека. Но конкретное единство человека и техники, как и характер самой техники, вырабатываются в исторически определенной социокультурной форме. Иными словами, абстрагироваться от социальных факторов при изучении техники невозможно, так как вся техносфера структурирована социальными факторами, обладает социальными функциями и решением определенных социокультурных задач. Но если все же абстрагироваться от них в познавательных целях, то к технике можно отнести любое средство деятельности человека, которое имеет сложный характер, требующий от человека специального управления и дополнительных умений, искусства в использовании. Молоток — это еще не техника, а вот паровой молот — уже техника, так как он требует специального обучения и мастерского управления. Ясно, что паровой молот можно было изобрести только при использовании научных знаний, тогда как для создания молотка наука не нужна, а воспользоваться им может каждый без всякой подготовки. В социальном смысле техникой будет любое средство, приспособление, которое выполняет, усиливает или заменяет определенные функции человека, облегчает его труд и развивает его производительные способности, дает возможность комфортно, с удовольствием и творчески проводить время. Техника есть не только «органопроекция человека», но овеществленные социокультурные функции, которые могут быть воспроизведены и реализованы только в обществе. Техника есть продукт развития современной промышленности, имеющей интенсивный социальный характер, а не плод труда ремесленника-одиночки [14].

Поскольку деятельность человека универсальна, а социальные сферы и функции различны, то и техника существует самая разная. Есть техника, которая используется в материальном производстве, которая раньше всего получила название техники. Но потом появилась домашняя, бытовая техника, без которой сейчас

не мыслит своей повседневной жизни ни одна хозяйка или хозяин. Есть техника, которая используется в различных социальных учреждениях и организациях, начиная от пресловутой гильотины и заканчивая пишущей машинкой. Есть техника, без которой сейчас невозможно ни одно научное исследование, даже в гуманитарной области. Все мы хорошо знаем медицинскую технику, без которой не может обойтись ни одно медицинское учреждение. В последние годы стала бурно развиваться электронная техника в области передачи информации и в массовых коммуникациях: без этой техники сейчас не может обойтись вся предшествующая техника. Есть, наконец, военная техника, которая призвана уничтожать и разрушать все то, что создается с помощью всей другой техники.

Вся эта мощная техносфера различна по своим входящим элементам, и социальные функции одного вида техники, например медицинской, никак не пересекаются с функциями транспортной техники. Когда человеку делают рентгеновский снимок, используя специальную технику, то как-то не приходит в голову, что человек в этом случае превращается в «никто», хотя получающийся образ его тела, казалось бы, похож на фото скелета. Пациент хорошо знает, что портрет его скелета нужен для диагностики заболевания и последующего лечения. Но вот когда молодой автолюбитель мчится на мощной шикарной иномарке, все его существо возвышается над окружающим миром так, что он не замечает пешеходов, что часто становится причиной их превращения в состояние «никто». И все же в каждом из этих случаев речь идет о технике, так как для работы рентгенологом нужно специальное обучение, как и для езды на автомобиле, хотя последняя по своим результатам может оказаться более опасной, чем воздействие рентгеновских лучей.

Отношение человека с техникой нельзя рассматривать абстрактно. Субъектная роль человека по отношению к технике различна: он может быть ее создателем, владельцем или пользователем. В этом аспекте важно выделить такой вид техники, анализ которой позволит нам оценить тенденции развития техники в целом [15].

В концепции «постчеловека», по сути дела, мы имеем дело с хорошо известным явлением — фетишизмом, который возникает тогда, когда необходимо скрыть социальную природу какого-либо явления. Особенность современного технического фетишизма заключается в том, что предметом фетишизации является техника, которая создается как средство интеллектуальной деятельности человека. Одно дело, когда фетишем становится боевое оружие, а другое дело — мобильный телефон, который мирно лежит в кармане и связывает нас с близкими и важными людьми. Такой «родной» технике человек не может не подчиниться и не может не делать ее предметом культа. Так что тот мост, который мечтал построить Д. Бруно над пугающей человека пропастью, современный человек носит в кармане: мост, связывающий людей друг с другом. Но никакой мобильный телефон не свяжет людей друг с другом, если этой связи нет в ее живой, социокультурной форме. Вместо живой взаимосвязи, воспользуемся выражением Платона, будет лишь «выдуманная игрушка» «выдуманного человека».

Литература

1. Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7 т. М.: Языки славянских культур, 2008. Т. 4, ч. 1. 1120 с.
2. Горфункель А. Х. Философия эпохи Возрождения. М.: Высшая школа, 1980. 368 с.
3. Леонардо да Винчи. Избр. произв.: в 2 т. М.: Изд-во Студии Артемия Лебедева, 2010. Т. 1. 480 с.

4. Блюменберг Х. Жизненный мир и технизация с точки зрения феноменологии // Вопросы философии. 1993. № 10. С. 32–68.
5. Паскаль Б. Мысли. К.: REFL-book, 1995. 56 с.
6. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М.: Весь мир, 2002. 144 с.
7. Хоружий С. С. Проблема постчеловека, или Трансформативная антропология глазами синергической антропологии // Философские науки. 2008. № 2. С. 10–31.
8. Кутырёв В. А. Культурологический смысл глобализма. URL: http://www.perspektivy.info/book/kulturologicheskij_smysl_globalizma_2010-11-02.htm (дата обращения: 15.09.2015).
9. Кутырёв В. А. Бытие или ничто. СПб.: Алетея, 2010. 496 с.
10. Кутырёв В. А. Реконструкция человека. URL: <http://philosophy.ru/library/kutyrev/reconstructionofman.html/> (дата обращения: 15.09.2015).
11. Маслов В. М. Постчеловеческие перспективы и место философии техники в системе философского знания // Сайт «Ассоциация футурологов». М., 2014. URL: <http://futurologija.ru/bibl/postchelovecheskoe/> (дата обращения: 15.09.2015).
12. Алексеева И. Ю., Аришинов В. И., Чеклецов В. В. «Технолюди» против «постлюдей»: НБИКС-революция и будущее человека // Вопросы философии. 2013. № 3. С. 12–21.
13. Цвык И. В. Философия техники: сущность, перспективы развития // Личность. Культура. Общество. Международный журнал социальных и гуманитарных наук. 2010. Т. XII, вып. 1 (№ 53–54). С. 226–233.
14. Козырьков В. П. Теоретические проблемы становления социологии дома // Личность. Культура. Общество. Международный журнал социальных и гуманитарных наук. 2009. Т. XI, вып. 1 (№ 46–47). С. 301–309.
15. Козырьков В. П. Направления и формы доместикиации современного общества // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2010. Вып. 1. С. 20–26.

Для цитирования: Козырьков В. П., Свадьбина Т. В., Немова О. А. Атрибутивные качества человека в условиях революции техносферы // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. Вып. 2. С. 15–25. DOI: 10.21638/11701/spbu17.2016.202.

References

1. Bakhtin M. M. *Sobr. soch.: v 7 t. T. 4, ch. 1* [Collected Works. works: In 7 vols. Vol. 4. Part 1]. Moscow, Languages of Slavic cultures, 2008. 1120 p. (In Russian)
2. Gorfunkel' A. Kh. *Filosofiiia epokhi Vozrozhdeniia* [Philosophy of the Renaissance]. Moscow, Higher school, 1980. 368 p. (In Russian)
3. Leonardo da Vinchi. *Izbr. proizv.: v 2 t. T. 1* [FAV. etc.: In 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Studii Artemiia Lebedeva Publ., 2010. 480 p. (In Russian)
4. Bliumenberg Kh. Zhiznennyi mir i tekhniatsiia s tochki zreniia fenomenologii [Life-world and tehniatsiia from the point of view of phenomenology]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 1993, no. 10, pp. 32–68 (In Russian)
5. Paskal' B. *Mysli* [Thoughts]. K., REFL-book Publ., 1995, 56 p. (In Russian)
6. Khabermas Iu. *Budushchee chelovecheskoi prirody* [Future of human nature]. Moscow, Ves mir Publ., 2002. 144 p. (In Russian)
7. Khoruzhii S. S. Problema postcheloveka, ili transformativnaia antropologiiia glazami sinergiinoi antropologii [The Problem of the Posthuman, or transformative anthropology through the eyes of synergetic anthropology]. *Filosofskie nauki* [Philosophical sciences], 2008, no. 2, pp. 10–31. (In Russian)
8. Kutyrev V. A. *Kul'turologicheskii smysl globalizma* [Cultural meaning of globalism]. Available at: http://www.perspektivy.info/book/kulturologicheskij_smysl_globalizma_2010-11-02.htm (accessed 15.09.2015). (In Russian)
9. Kutyrev V. A. *Bytie ili nichto* [Being or nothingness]. St. Petersburg: Aletheia Publ., 2010. 496 p. (In Russian)
10. Kutyrev V. A. *Rekonstruktsiia cheloveka* [Reconstruction of a person]. Available at: // <http://philosophy.ru/library/kutyrev/reconstructionofman.html/> (accessed 15.09.2015). (In Russian)
11. Maslov V. M. Postchelovecheskie perspektivy i mesto filosofii tekhniki v sisteme filosofskogo znaniia [A Posthuman perspectives and the place of philosophy of technology in the system of philosophical knowledge]. *Sait Assotsiatsiia futurologoviu* [The Website of the Association of futurologists]. Moscow, 2014. Available at: // <http://futurologija.ru/bibl/postchelovecheskoe/> (accessed 15.09.2015). (In Russian)

12. Alekseeva I.Iu., Arshinov V.I., Chekletsov V.V. «Tekhnoliudi» protiv «postliudei»: NBIKS-revoliutsiia i budushchee cheloveka [“Technology” against “postgeople”: NBICS- revolution and the future of human]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 2013, no. 3, pp. 12–21. (In Russian)

13. Tsvyk I.V. Filosofii tekhniki: sushchnost', perspektivy razvitiia [Philosophy of technology: essence, prospects of development]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. Mezhdunarodnyi zhurnal sotsial'nykh i gumanitarnykh nauk* [Personality. Culture. Society. International Journal of Social Sciences and Humanities], 2010, vol. XII, issue 1, no. 53–54, pp. 226–233. (In Russian)

14. Kozyr'kov V.P. Teoreticheskie problemy stanovleniia sotsiologii doma [Theoretical problems of formation of sociology of home]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. Mezhdunarodnyi zhurnal sotsial'nykh i gumanitarnykh nauk* [Personality. Culture. Society. International Journal of Social Sciences and Humanities], 2009, vol. XI, issue 1, no. 46–47, pp. 301–309. (In Russian)

15. Kozyr'kov V.P. Napravleniia i formy domestikatsii sovremennogo obshchestva [Direction and form domesticates a modern society]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Ser. Sotsial'nye nauki*, 2010, vol. 1, pp. 20–26. (In Russian)

For citation: Kozyr'kov V. P., Svadbina T. V., Nemova O. A. Attributive qualities of personhood in the revolution of technosphere. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Ser. 17. Philosophy. Conflict Studies. Culture Studies. Religious Studies*, 2016, issue 2, pp. 15–25. DOI: 10.21638/11701/spbu17.2016.202

Статья поступила в редакцию 1 февраля 2016 г.